

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Коварство

дамы трюф

МОСКВА

2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Коварство дамы треф / Марина Серова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-99429-8

Мир — игра в покер, где каждую минуту люди, как карты, сходятся в самых неожиданных комбинациях. Теплохранитель Женя Охотникова тоже в игре: по заданию полиции она внедряется в круг картежников, чтобы завести знакомства по возможности с тузами, хотя и шестерками в этом раскладе пренебрегать не стоит. Самое интересное начнется, когда игроки станут блефовать и шестерки попытаются притвориться тузами. Хотя кто сказал, что хороший бодигард — обязательно плохой карточный стратег?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99429-8

© Серова М.С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Добираться до места назначения только на такси, носить исключительно темно-синий брючный костюм-тройку, красить губы единственным оттенком красной помады, улыбаться дежурной улыбкой и носить в сумочке липовое удостоверение...

— Евгения Охотникова. Адвокат. К Ветлицкому, — рублеными фразами говорю я. Здесь все говорят именно так, и я быстро переняла эту манеру.

Охранник по ту сторону разделительного стекла смотрит на меня, потом на удостоверение и снова на меня. Делает какие-то пометки в журнале и кивает:

— По лестнице на третий этаж, потом повернете...

Я не слушаю напутствия служителя порядка: мне это незачем — слишком хорошо знакома дорога. Вот уже вторую неделю подряд я прохожу этот путь — от пункта охраны прямо по коридору, затем вверх долгих три лестничных пролета и снова пункт проверки доку-

ментов, на этот раз более тщательной, после которой проверяющий звонит вышестоящему начальству и вызывает конвоира для сопровождения в комнату, где меня уже ждут.

— К Ветлицкому, — снова должна повторить я и без лишних разговоров передать свою сумочку на проверку.

Ключи от квартиры, губная помада, пара мятных конфет. Ничего подозрительного в ридикюле носить нельзя — это еще одно негласное правило здешних застенков, которое я быстро усвоила. Досмотр, очередной звонок и еще одна пометка в журнале — вся процедура занимает не более двух минут, и вот я уже в сопровождении конвоира иду по длинному коридору. Идем долго, я сбиваюсь с направления из-за многочисленных поворотов, и наконец мы останавливаемся около одной из дверей. Только здесь мой сопровождающий впервые смотрит на меня — хмуро и без интереса.

— У вас пять часов. Сейчас десять утра, — он смотрит на наручные часы. — Вернусь за вами в три.

Я киваю, толкаю дверь и делаю шаг вперед.

— Здравствуй, Ник, — говорю я человеку, который уже ждет меня.

В скудно обставленной комнате за столом сидит пожилой мужчина в невзрачной арестантской одежде. (Хотя я бы не стала ручаться, что ему больше тридцати пяти.) У него на голове нет ни одного седого волоса, да и

морщины на лице еще не успели проявиться, но усталый взгляд этого человека и разочарованная усмешка, которая часто кривит его тонкие красивые губы, говорят о том, что это бывалый волк... «Такие, как он, просто так в руки полиции не попадают», — было первое, о чем я подумала, когда впервые увидела Ника Ветлицкого. Слишком настороженный, слишком суровый, слишком хитрый. В нем вообще всего слишком. Но факт остается фактом — Ник Ветлицкий вот уже месяц как сидит за решеткой.

За моей спиной закрывается дверь, лязгают замки. Стоя у порога, я слышу, как гулко стучат по бетонному полу каблуки казенных ботинок — это удаляется мой конвоир. Только когда его шаги растворяются в глубине коридора, я прохожу вперед, сажусь напротив Ника и произношу привычную фразу:

— Начнем?

Мужчина кивает, опускает правую руку в карман арестантской робы и достает колоду карт, которую кладет на середину стола. Я снимаю пиджак и вешаю его на спинку соседнего стула, закатываю рукава белой блузки, беру карты, быстро-быстро тасую их под внимательным взглядом Ника и сдаю. В абсолютной тишине каждый из нас берет свою стопку, и мы начинаем играть.

Несколько часов подряд на столе вскрываются карточки разных мастей. Ник одобри-

тельно кивает, иногда хмурится. А я только сосредоточенно смотрю на деревянную столешницу, на который пестрят карты. Это не азарт и не игровой дурман — это учеба. Только к концу пятого часа, когда очередная партия сыграна в мою пользу, Ник откидывается на спинку стула и произносит:

— Из тебя могла бы получиться отличная мошенница.

Это высшая похвала от скупого на слова и эмоции Ника. Я невольно улыбаюсь.

— Но ты никогда такой не станешь, — тут же припечатывает мой противник.

Я удивленно дергаю бровью:

— Никогда? Почему же?

Не то чтобы мне досадно или обидно — мне просто любопытно.

— Ты чистоплюйка, — ровным тоном говорит он.

В другой ситуации я бы вспылила — во мне очень силен дух противоречия. Но этого чудного человека с цепким взглядом и неспешными повадками я всегда слушаю внимательно.

— Такие, как ты, никогда не врут, не предадут, не способны на подлость. Честь и совесть для вас — это все. Вы видите только черное и белое, добро и зло, виновных и жертв. А жизнь — она разная, и люди разные. И когда садишься за покерный стол, это особенно важно помнить. Бывает, что тот, кого ты по жизни считал трусом и слабаком, вдруг ставит

на кон все, даже свою жизнь. Или неудачник и рохля за покерным столом превращается в чертовски везучего человека, который собирает весь банк...

Я слушаю Ника не перебивая, ловя каждое его слово. А он еще долго рассуждает о превратностях карточного мира, о людях и их характерах, о том, что такое фан-фаталь и откуда взялась присказка о том, что новичкам всегда везет. Когда он замолкает и тянется за пачкой сигарет, я наконец задаю вопрос, который мучает меня все эти дни:

— А какой он?

Пауза. Я жду, когда Ник прикурит сигарету. Голубовато-желтый огонек бросает блики на его черные волосы и нахмуренный лоб. Мой собеседник медленно раскуривает сигарету и поднимает голову. Его глаза впиваются в мои.

— Я имею в виду Антона Кронштадтского, — заканчиваю я фразу, когда наши взгляды встречаются.

Ник выдыхает в сторону пряный табачный дым.

— Скоро узнаешь.

ГЛАВА 1

Он был выше меня на голову, худощавый, с черными как смоль волосами и болезненно-бледным лицом. Скорее всего, он специально не брился, и часть его лица все время была скрыта небрежной трехдневной щетиной, отчего он казался намного старше своих лет. Небрежная размашистость отличала все его движения: рассказывая что-то и при этом увлеченно жестикулируя, он мог нечаянно столкнуть локтем бокал со стола, а потом с ловкостью дикой кошки подхватить его почти у самого пола. Небрежность сквозила в кривой улыбке, когда он потягивал терпкий виски и внимательно слушал собеседника — то ли сомневался в том, что ему говорят правду, то ли откровенно насмехался над тем, что слышал. А быть может, он только делал вид, что слушает, а сам в этот момент думал о чем-то своем? Я никогда не могла этого понять. И даже дорогие кипенно-белые рубашки он умудрялся носить как-то небрежно — закатав рукава и никогда не застегивая ворот на верх-

ние пуговицы. Пожалуй, его наружность вкупе с повадками можно было счесть вызывающей и даже отталкивающей, не будь он так чертовски хорош собой.

А я... я была одной из тех, кого называют серой массой, — не слишком высокого роста, достаточно худая, чтобы считаться стройной, но никак не дотягивающая до категории фигуристых, с копной темно-русых волос, которые я всегда забирала в хвост или прятала под бейсболку. Я упорно не признавала стиль и моду, предпочитая кокетливым платьям и мини-юбкам практичные джинсы и удобный пуловер (я вообще терпеть не могла жеманства и прочей бабской бутафории). Как все одиночки, я была резка, скупа на эмоции и прагматична.

Он вел замкнутый и исключительно ночной образ жизни, часто менял авто и не выносил табачного дыма. Ни один человек не знал, где он живет и чем занят в светлое время суток, и я сама никак не могла это выяснить. Он был законченным мизантропом и потому несносной натурой — сомневаюсь, что какая-либо женщина могла ужиться с ним на одной территории дольше пары недель, хотя претендентов наверняка было множество. Меня же все видели только днем, в уставшей и отупевшей от однообразных рабочих будней толпе. И где бы я ни находилась, что бы ни происходило вокруг меня — мое место всегда было в самом конце колонны. А еще я много курила, ни на

что бы не променяла свой старенький «фольк» и категорически не признавала семейный быт.

Он громко смеялся над пошлыми шутками — я терпеть не могла юмор ниже пояса. Он пил виски «Ред Лейбл» — я предпочитала коньяк. Он был до чертиков азартной натурой — я была равнодушна к превратностям судьбы, измеряемым в твердой валюте. Его часто видели в компании высоких молодых блондинок — я же была далека от формата куклы Барби. Он никогда не обратил бы внимания на такую особу, как я. Я бы предпочла никогда не иметь дела с таким типом, как он. У меня нет — да и не могло быть — ничего общего с этим человеком, но тем не менее вот уже вторую неделю подряд я делала все для того, чтобы встретиться с ним.

Я выходила из дома ровно в восемь вечера, когда на улицах уже давно горели фонари. Мои глаза с тоской смотрели на ртутно-желтые окна домов — там в этот час законопослушные граждане собирались за ужином в кругу семьи. С неба сыпала ледяная изморось, мои легкие сапожки увязали в грязных лужах, а промозглый студеный ветер забирался под полы легкого плащика, который я таскала в середине октября совсем не по погоде. Больше всего в такие вечера хотелось запереться дома, забраться в кресло с чашечкой свежесваренного кофе и закурить сигарету. Но я плотнее запахивала ворот плаща, ежилась и, проклиная

свою неугомонную натуру, спешила на другой конец двора — туда, где был припаркован мой старенький «фольк». А потом гнала по ночным улицам, не обращая внимания на скоростные ограничения и не притормаживая на поворотах, — гнала через весь город ради того, чтобы оказаться в одном из значных мест Тарасова за карточным столом и до одури разыгрывать одну партию в покер за другой в тайной надежде, что рано или поздно здесь появится ОН.

Ночная жизнь, плотный сигаретный дым, пронизанный терпким запахом дорогого одеколона и виски, наэлектризованный азартом, стопки разноцветных фишек, рассыпающиеся по столу, и хруст очередной вскрываемой колоды карт... Я быстро влилась в этот иллюзорный параллельный мир, где не имеет никакого значения, кто ты: рядовой менеджер, напыщенный чиновник или беспечный прожигатель жизни без гроша за душой. Здесь никому нет дела до того, сколько стоит костюм, который ты наденешь завтра утром на работу, и пойдешь ли ты на работу вообще — здесь все равны перед Фортуной. Это очень важно помнить, когда ты садишься за игровой стол и рассчитываешь уйти не с пустыми карманами или хотя бы остаться при своих интересах. Эту простую истину я не раз слышала от своего «учителя» и хорошо ее усвоила.

Сегодня я должна сорвать банк. Нет, дело не в деньгах, не в нужде, не в принципе: я не

играю на спор, и мне по натуре чужд азарт. Но уйти рано утром в дурном угаре, окончательно ошалев от выкуренных сигарет и с сумочкой, набитой купюрами, — это моя работа.

Когда я оставила без гроша каждого, кто имел несчастье оказаться со мной за одним столом, в первую ночь моего посещения тарасовского игорного заведения под названием «Темная сторона», большинство списало это на волю случая — мол, новичкам всегда везет. Когда и во вторую ночь все фишки с игрового поля перекочевали в мою сторону, и ставки больше было делать не на что, а желающих играть со мной не осталось, то по лицам присутствующих стало ясно, что мириться дальше с появлением везучего новичка никто не намерен. На третью ночь все повторилось в точности. Фортуна была на моей стороне и в четвертую ночь. «Эх, до чего лиха и везуча девка!» — выдохнул тучный господин в дорогом костюме и часах на золотом браслете, один из тех, кого я обыграла в этот раз. Я в ответ только криво усмехнулась, сгребла фишки со стола и решительно поднялась с места: «Спасибо за игру, джентльмены! До завтра!»

А назавтра произошло то, ради чего я и подписалась на эту нелегкую работенку и исправно таскалась в подпольный игорный клуб, попутно теша свое самолюбие и щекоча нервишки тамошней аудитории. На следующую ночь в зале наконец появился ОН.

Шел второй час ночи, за игральным столом нас собралось всего трое — толстяк, что назвал меня лихой девкой и теперь пытался отыграться за прошлые поражения, и человек неопределенного возраста по имени Кравец (то ли это было прозвище, то ли фамилия — черт его разберет!). Кравец слыл диким неудачником, за игровой стол он садился всего пару раз в месяц (скорее всего, в дни получки и аванса), а все остальное время, как голодная гиена, истекающая слюной, шатался между покерными столами и заглядывал за плечи игроков. Мне было жаль оставлять мужика без гроша, но приходилось подкреплять репутацию лихой везучей девки — этого требовала моя работа.

Игра, исход которой уже был предрешен в мою пользу, близилась к концу, когда в зале, погруженном в полумрак, появился высокий худощавый мужчина средних лет. Он скинул свое пальто в руки одного из официантов, которые постоянно сновали по темному залу, неизменно оказываясь рядом в тот момент, когда требовалась их помощь — отнести верхнюю одежду в гардероб, наполнить бокал очередной порцией горячительного или сменить фишки за игорным столом. Пары секунд мужчине хватило, чтобы окинуть цепким взглядом весь зал. Когда он полоснул серыми глазами по игральному столику, за которым сидела наша честная компания, я невольно